

К философским основаниям онтологии XXI века.
Обыдѣнный Денис Николаевич
научный сотрудник
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
e-mail: odnvrn2006@yandex.ru

Философская мысль современности представляет собою некую пѣструю ткань самых различных течений, порою в своей «официальной» направленности настолько далѣких друг от друга, что представители одной традиции с трудом могут услышать то, о чём ведут речь их соседи, даже если в некоторый момент, сами того не предполагая, изначально противоположные школы начинают работать в общем теоретическом пространстве.

Вместе с тем, несмотря на то, что философский мир современности пребывает в состоянии автономных и изолированных областей на уровне своего номинального существования, его глубинная онтологическая тенденция всё же сущностно едина. И дело здесь вовсе не только и не столько в том, что в целом «современная» философия теоретически занимает критическую позицию в отношении традиции классической, где она, скорее напротив, уже истощила свой первоначальный порыв к резкому размежеванию и идейному противостоянию. Единый стержень современной философии в большей мере заключен в её столкновении с неким новым онтологическим пространством, которое она открыла, после того, как усилие «превозмогания» классики вывело мысль современности на некий «оперативный простор», в котором она испытала своеобразное головокружение подобное тому, что описывает С.Кьеркегор применительно к переживанию свободы. Именно в этом доселе неведомом пространстве философская мысль двадцатого века впервые ощутила ту прохладу некоего отчуждения, которая свойственна всякому расставанию. В данном случае расставанию с классикой. Затем её победное шествие, столь величавое во времена преодоления наследия старины, несколько замедлилось, чтобы затем перейти в осторожное прошупывание местности, граничащее с тенденцией обитать ближе к тому, что ещё недавно было отброшено. В свою очередь, это приводит к определённым утончѣнным вариантам «философий» прошлого. Позитивизм сменяется неопозитивизмом, нагруженным подробным анализом языка, новыми типами «логик», широкое применение получает психоаналитическая категориальность, языкознание и лингвистика, направленные на анализ общества и индивида, представляемых как предельно сложно структурированные образования, а потому и требующие для своего анализа неизвестной ранее методологической базы. Одним словом, философия современности во многом стремится прикрепиться к некоторой предметной области данного и существовать, как это симптоматично выражено в названии одной из работ М.Фуко, в качестве «археологии»¹, либо «грамматологии»² (Ж.Деррида). Причѣм не только традиции «постмодернизма» и «методологизма» тяготеют к этому. Размышления признанного «онтолога» М.Хайдеггера зачастую также углубляются в филологическое и этимологическое исследование текстов, с целью выхода в изначальное пространство языка, раскрывающего сущее.³ Философия, становясь рефлексией сугубо «настоящего», понятого в его историко-социо-культурной, но никак не онтологической составляющей, теряет тенденцию к всеобщности, не пытаясь увидеть в настоящем отголоски прошлого и развитие его сущностных тенденций, наряду со становлением новых. Такая философия есть вместе с тем вариант философии *ad hoc*, перерастающей в идеологию социального и культурного протеста, становящейся «модной» философией, призванной эпатажно подчеркнуть статус некой «псевдоэлиты». Г.Гессе прозорливо определял период такого философствования «фельетонной эпохой», приводящей мышление к «игре в стекляшки», к пресыщенности эрудицией, оторванной от действительного постижения мира, к мышлению ради мышления, не знающему напряжения подлинной проблемы.⁴ Н.Бердяев подразумевал то же, что и Г.Гессе, когда, критикуя современный ему философский мир,

говорил, что пишут о «чём-то», но не «что-то»: не об онтологии, а, об онтологии N (Платона, Лейбница, Гегеля и т.д.).

Философская мысль двадцатого столетия испытывает своеобразный страх перед онтологическим и это вполне понятно. Уже после И.Канта стало весьма трудно, сохраняя теоретическую строгость и искренность, однозначно говорить о материализме или идеализме как типах онтологий или вообще задаваться онтологическими вопросами, не переводя их в плоскость дискурса о сознании. Это во многом было продиктовано тем, что онтология классического рационализма уже начинала приходить к осознанию собственных границ, преодолеть которые она была не в состоянии.

Но лишь на рубеже XIX-XX веков, когда происходит коренной перелом западно-европейского мировоззрения, связанный с определёнными событиями истории и культуры, с фундаментальными открытиями в естествознании, переосмыслением классических философских принципов в русле феноменологии и экзистенциализма, то только тогда начинают формироваться предпосылки новой онтологии.

В пространстве дискурса современного философствования явно проступает его основная, глубинная онтологическая тенденция, которая столь непривычна, что делает проблематичной, а порою и парадоксальной, даже саму постановку онтологического вопроса, бесспорно, если мыслить онтологию в горизонте классических принципов и стереотипов. Современная философия, как и науки, приобретающие междисциплинарный статус, преодолевающий автономию и изолированность областей познания, говорят нечто в основе своей очень близкое, будучи увиденны под углом общемировоззренческих структур понимания мира. «Для классической истории прерывность была некоторой неосознаваемой данностью, которая проявлялась в хаосе рассеянных событий (решений, случаев, начинаний, открытий) и подлежала преодолению в анализе, - её следовало обойти, редуцировать, стереть во имя торжества непрерывного событийного ряда. Прерывность, которую вытравляли из истории, была как бы знаком темпоральной разлаженности. Теперь же она стала одним из основополагающих элементов исторического анализа, играющим тройную роль», - пишет М.Фуко.⁵ «Наше восприятие природы становится дуалистичным, и стержневым моментом в таком восприятии становится представление о неравновесности. Причём, неравновесности, ведущей не только к порядку или беспорядку, но открывающей также возможность для возникновения уникальных событий, ибо спектр возможных способов существования объектов в этом случае значительно расширяется (в сравнении с образом равновесного мира)... Да, мир нестабилен. Но это не означает, что он не поддается научному изучению. Признание нестабильности – не капитуляция, напротив – приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчёт специфический характер этого мира», - слова И.Пригожина.⁶ Мыслители различных областей говорят нечто очень близкое, если вдуматься, минуя формальные границы тех областей, к которой принадлежат тот и другой.

Суммируя изложенное можно сказать, что онтология XXI века станет мыслью, стремящейся выйти к такому теоретическому горизонту, в котором произойдёт осмысленный диалог естественной и гуманитарной культур в их совместной попытке концептуализации реальности, сущностной чертой которой выступает нелинейность становления, спонтанность, реальности в терминологии А.Бергсона являющей собою не механизм, но «творческий порыв» со всеми следующими отсюда онтологическими реалиями.

¹ См.: Фуко М. Археология знания. – К.: Ника-Центр, 1996.

² См.: Деррида Ж. О грамматологии. - М.: Ad Marginem, 2000. - С.7-110.

³ См.: Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. - М.: Республика, 1993. С.273-301.

⁵ Фуко М. Археология знания. – К.: Ника-Центр, 1996. С.12.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. - №6. – С.5.